

Lada Panova
Замятин против Хлебникова:
дистопическая нумерология в романе «Мы»

Ю. Б. Орлицкому

1.

В настоящей статье предпринимается попытка доказать, что математический дизайн романа Евгения Замятина «Мы» многим обязан нумерологии Велимира Хлебникова, а также что Хлебников повлиял на систему его персонажей.

Создававшийся по одним данным — в 1919—1921 годы¹, а по другим — еще и в 1922-ом году, отмеченном кончиной Хлебникова и посмертными публикациями его «Зангези» и «Досок судьбы», роман «Мы» советской властью был отвергнут. Цензура наложила запрет на его публикацию, а советские критики заклеили его как памфлет на социалистическое строительство. В 1931 году Замятин эмигрировал, но и в зарубежной русскоязычной прессе не увидел свое главное детище опубликованным в том виде, в каком оно было написано (пиратская журнальная версия, в 1927 году появившаяся в пражской «Воле России», не в счет). Когда Замятина уже не было в живых, а авторизованные им рукописи «Мы» считались утраченными, состоялись две эпохальные русскоязычные публикации романа: одна в 1952 году в Нью-Йорке, другая в 1988 году в Советском Союзе. Ни та, ни другая не отразили воли писателя. Это — заслуга самой последней публикации романа «Мы», 2011 года, воспроизведшей недавно найденный ав-

© Lada Panova, 2014

© TSQ № 48. Spring 2014

¹ Ныне принятая датировка, см. [Russell 2000: 3, Замятин 2011: 502—503].

торский машинописный экземпляр «Мы»². Вопреки столь неблагоприятным обстоятельствам ныне роман «Мы» — признанная классика жанра дистопии³. Правда, этой репутацией он обязан многочисленным переводам, особенно же англоязычному, вышедшему в 1924 году в Англии (с которого и ведет отсчет история его публикаций), нежели запоздалым изданиям на русском языке.

Из литературоведов о романе «Мы» первыми заговорили формалисты. Ю. Н. Тынянов, поругав Замятина за несовместимость любовного и фантастического сюжетов (представление, опровергнутое последующей антиутопической традицией), но похвалив за фантастический стиль, создающий двухмерные вещи, в целом роман одобрил⁴. В. Б. Шкловский счел «Мы» пределом возможностей Замятина, но не «потолком» литературы 1920-х годов. Среди выявленных ученым недочетов романа — эксплуатация одного приема в порядке эпигонского подражания Андрею Белому⁵. Наконец, Р. О. Якобсон способствовал публикации «Мы» в переводе на чешский, видимо, оценив его творческий потенциал.

Дальше литературоведческий анализ «Мы» развивался и вглубь, и вширь. Из сделанных общих утверждений одно, наиболее общее — дискредитация советского строя, лично Ленина (в романе — Благодетеля), футуризма (особенно же «150 000 000» Владимира Маяковского, 1920) и Пролеткульта (особенно же Алексея Гастева)⁶, — подтвердило обоснованность негативного мнения о ней советской критики. В настоящем исследовании к объектам подрыва будет отнесена нуме-

² См. [Замятин 2011]. В настоящей работе «Мы» цитируются именно по этому изданию.

³ Дистопия — «тип антиутопии, которая дискредитирует утопии, изображая возможные эффекты ее реализации, в отличие от других антиутопий, которые дискредитируют возможности их реализации или разоблачают глупость или неадекватность допущений или логики их защитников» ([Morson 1981: 116], пер. мой).

⁴ [Тынянов 1977 [1924]: 156—157].

⁵ [Шкловский 1990 [1927]: 258—259].

⁶ См. [Доронченков 1989, Геллер 1994, Russell 2000: 37—39, 40—42] и др.

рология Хлебникова. Как было показано в другой моей работе⁷, она представляет собой не манифестацию пророческого дара или дара ученого (принятые трактовки), но типичную утопию эпохи модернизма. Утопический характер хлебниковские математика и геометрия приобретают, прежде всего, в силу того, что первая использовалась в поисках закона, управляющего ходом истории и судьбами отдельных людей, от Пушкина и Гоголя до футуристов, а вторая — закона, управляющего языками. Оба закона должны были радикально изменить устои мировой цивилизации. Статус героя-цивилизатора Хлебников отвел себе, Велимиру — повелителю мира, Будетлянину, Королю времени. Как Король времени, он намеревался осчастливить человечество разгадкой ритма мировых событий. Однажды вычисленный, этот ритм, по мысли Хлебникова, искоренил бы войну как явление. Еще одна затевавшаяся им утопическая мера состояла в упразднении многообразия языков — повода для раздора, через введение единого для всех «звездного» языка. Из других программных акций Хлебникова стоит отметить внедрявшийся им орган управления планетой: 317 Председателей Земного Шара. В качестве его основателя и, само собой разумеется, Председателя номер один, он занимался рекрутированием еще 316 Председателей. Так восстанавливаемый нумерологический проект Хлебникова обнаруживает генетическое родство с идеологией победивших большевиков, навязывавших свое лидерство всему человечеству и сулящих ему светлое — коммунистическое — будущее. То ли сознавая свою близость к советскому проекту, то ли просто уважая силу, Хлебников настойчиво предлагал новой власти свои услуги.

Трудно представить, чтобы Замятин, в своей неписательской жизни — профессиональный инженер (корабельный архитектор), — упустил из виду нумерологические изыскания своего знаменитого современника или же, познакомившись с ними, не отреагировал на них. Пострадав до революции за свой большевизм, а после революции 1917 года занявший по

⁷ [Панова 2008].

отношению к нему позицию непримиримого критика, он наверняка расценил их как утопию, родственную большевистской. Кроме того, установка Хлебникова на математическую унификацию всех и вся не могла не оскорблять в Замятине его гуманистический идеал, известный в передаче художника Юрия Анненкова:

«[Ж]изнь человечества нельзя искусственно перестраивать по программам и чертежам, как трансатлантический пароход, потому что в человеке... имеется еще иррациональное начало, не поддающееся точной дозировке» [Замятин 2011: 358].

Если только что высказанную гипотезу считать преамбулой интертекстуального и структурного анализа романа «Мы», то тогда в его математически расчисленном дизайне тоталитарного общества будущего немедленно проступят отчетливые хлебниковские очертания.

2.

Полемика автора «Мы» с Хлебниковым до сих пор не привлекала внимания исследователей. Вообще, по не совсем понятной причине Хлебников — редкий гость в многочисленных томах, посвященных замятинскому роману. Единственное известное мне исключение — Леонид Геллер. Он возвел особый ономастикон «Мы» — обозначение персонажей буквами и цифрами — к хлебниковским «звездному» языку и поэме «И и Э» [Геллер 1994: 80, 86], а формулу $\sqrt{-1}$, в романе — «иррациональный корень», приводящий главного героя, математика Д-503, в состояние паники, — к «мнимым» числам Хлебникова [Геллер 1994: 98]. Следующего шага Л. Геллер, правда, не сделал — не поставил Замятина и Хлебникова по разные стороны баррикады.

Другие исследователи математической фактуры романа «Мы» полностью проигнорировали ее хлебниковский генезис. Так, когда Лейтон Бретт Кук выявляет в «Мы» влияние идей

древней и новой математики, включая математику в художественной литературе, то в его поле зрения попадают Пифагор, Н. И. Лобачевский, Альберт Эйнштейн и даже Ф. М. Достоевский с его философемой вокруг $2 \times 2 = 4$, но не Хлебников⁸. Аналогичную ситуацию находим в книге Томаса Лахузена, Эдны Эндриус и Елены Максимовой⁹ — и это при том, что интертекстуальная сторона замятинской математики занимала исследователей наряду с чисто математическими разгадками чисел и геометрических фигур романа. В недавнем суммирующем комментарии к роману «Мы» Роберта Расселла¹⁰, со специальным разделом для замятинских математики и науки, Хлебников также зияет своим отсутствием. Наконец, Хлебников не поставлен в параллель к «Мы» и в самом последнем, комментированном, издании романа 2011 года, где математике и инженерии отведено много места.

Предположу, что выпад Замятина против русского нумеролога номер один пропускался в силу господствующего взгляда на программу действий последнего как на невинные занятия поэта-ученого-пророка, а не как на опасную политическую стратегию, конкурирующую с большевистской. С контекстуализацией этой программы в идеологию модернизма и большевизма, позволяющей распознать ее подлинные исторические черты, мы получаем возможность не только выявить весьма объемный хлебниковский пласт романа «Мы», но и, что не менее важно, замятинскую тактику его подрыва. Говоря о подрыве, мы из области интертекстов вступаем в область структур. Напомню в этой связи, что дистопия пишется затем, чтобы дискредитировать чужую утопию путем ее осуществления в рамках вымышленного мира.

⁸ [Cooke 1988].

⁹ [Лахузен, Максимова, Эндриус 1994].

¹⁰ [Russell 2000].

3.

Восстановление Хлебникова в правах замятинского оппонента естественно начать с жанровых корреляций между творчеством первого и дистопией второго. Автору «Мы» задачу дискредитации нумерологии Хлебникова наверняка облегчило то обстоятельство, что свои утопические идеи Хлебников излагал в специально предназначенном для этого жанре. Утопический характер имеют, например, его «Предложения» (1914—1916; опубл. 1915), «Воззвание Председателей Земного Шара» (1917; переработано в стихи и опубликовано в таком виде в 1917 году) и «Лебедя будущего» (1918; опубл. 1928), кстати, с описанием технизированного мира, если только Замятин был знаком с ней по иным каналам, нежели печать. Таким образом, Хлебников (наряду с Платоном, Гербертом Уэллсом и Александром Богдановым, которых замятиноведение уже зачислило в предшественники Замятина¹¹) входил в тот канон (анти-)утопий, который был по-новому переработан в «Мы».

Предвосхищая «Мы», Хлебников настаивал на том, что будущее принадлежит «изобретателям», а не «приобретателям». Манифестом «Труба марсиан» (1916; опубл. 1916) он провозгласил новое государство — времени, поверх пространственных границ, для объединения творцов одного возраста:

«[И]зобретатели... отделяются от приобретателей в независимое государство в р е м е н и ... и ставят между собой и *ими железные прутья*. Будущее решит, кто очути<т>ся в зверинце».

Откликаясь на этот тезис, Замятин выстраивает сюжет «Мы» вокруг изобретателей, работающих над созданием «Интеграла» и — шире — проектом покорения других, пока что неизвестных цивилизаций. Волей Замятина, но в то же время как бы и Хлебникова, от них, живущих под стеклянным колпаком

¹¹ См., например, [Russell 2000: 11—14, 29—34].

в технически совершенном «зверинце», Зеленой Стеной отсечены неизобретатели — вернувшиеся в почти что первобытное состояние Мефи. Даже нарративизацию событий, ведущих к столкновению этих двух обществ, Замятин доверил Строителю «Интеграла», математику Д-503. Тот заносит информацию о 124 днях, потрясших Единое Государство и его самого, в свой исповедальный дневник, кстати, рассчитанный на просвещение межпланетных цивилизаций.

В свою очередь, систему персонажей романа во многом определил самообраз Хлебникова. Он, правда, дан не в своей целостности, но расщепленным на две ипостаси: учебного-математика, применяющего ко всему единый, т. е. в основе хлебниковский, математический принцип¹², и поэта, пользующегося особым математическим письмом. Воплощению первой, Д-503¹³, Замятин придал некоторое сходство с собой, обладателем волосатых рук. Воплощение второй ипостаси, R-13, поэт, сочиняющий математические стихи по заказу, или, точнее, приказу Единого Государства, соединяет в себе тягу к нумерологической хлебникописи с негроидной пушкинской внешностью¹⁴. Пушкинским оказывается и последний акт его судьбы — смертоносный рывок к свободе.

Будучи двумя сколками с хлебниковского самообраза, Д-503 и R-13 соединены в то, что на советском сленге называлось «ячейкой общества». Подружившись еще за школьной партией, в своей взрослой жизни они образовали квазисемейный союз вокруг круглой, кроткой, милой, ребячливой О-90, а в период смуты «изменили» ей с ее противоположностью: I-330.

¹² Ср. «Доски судьбы»: «[3]аконь времени [т. е. ритм, основанный на комбинации 2 и 3. — Л. П.]... должны управлять всем, что протекает во времени, будет ли это душа Гоголя, „Евгений Онегин“ Пушкина, светила солнечного мира, сдвиги земной коры».

¹³ На рабочем месте Д-503 не столь математически элементарен, как в жизни. Вычисляя скорость, нужную Интегралу для отрыва от земли, он создает «сложное» уравнение «с трансцендентными величинами» («Запись 7-ая»).

¹⁴ Сходство Д-503 с автором и R-13 с Пушкиным стали уже общими местами замятиноведения.

I-330 — дама непокорного ахматовского склада и роковой ахматовской красоты¹⁵ — попыталась вернуть земную цивилизацию вспять, в ее дохлебниковское/добольшевицкое прошлое. До ее появления в своей жизни математик Д-503 жил в комфортном для себя ощущении, что он, как и все другие граждане, — «счастливейшее среднее арифметическое». I-330 на него подействовала «так же неприятно, как случайно затесав-

¹⁵ Ср. «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст» («Запись 2-ая»), что соответствует молодой Ахматовой, в том числе с кубистического портрета тушью, выполненного в 1921 году Анненковым. Портрет работы Анненкова Замятин упомянул в эссе «О синтетизме»: «Портрет Ахматовой — или, точнее, портрет бровей Ахматовой. ... Они — как ключ в музыкальной пьесе: поставлен этот ключ — и слышишь, что говорят глаза, траур волос, черные четки на гребнях». Видимо, в подражание Анненкову — но также в силу своей общей установки на вербальный кубизм — он описывает брови своей героини как треугольник. Попутно отмечу, что ахматопоподобная I-330 имеет разительное сходство с сексуальной контр-революционеркой Эльгой Густавовной из романа Михаила Зенкевича «Мужицкий сфинкс. Беллетризованные мемуары», 1921—1928, опубл. 1991); в том, что героиня Зенкевича списана с Ахматовой, сомнений не возникает, ибо Ахматова в романе действует и под маской, и не под маской.

В «Мы» имеются и другие отсылки к современникам, которые к 1920-м либо держались в стороне от футуризма, либо порвали с футуризмом.

За словами I-330 о том, что «должна быть не „просто-так любовь“, а „потому-что любовь“» («Запись 6-ая»), стоит любовная эстетика Михаила Кузмина. Для него «любовь просто так» была единственно возможной, ибо не зависела от обстоятельств и, значит, была подлинной. Иное дело — «любовь потому что» — имитация любви. (Другой кузминизм романа «Мы», а именно скрытая цитата из стихотворения «Ах, не плыть по голубому морю...», см. в [Замятин 2011: 415].)

В свою очередь, сравнение цифровой Скрижали, регламентирующей все действия нумеров, с «Расписанием железных дорог», как и сопровождающее его восклицание «зачем я не поэт», играет со стихотворением Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...» (1917, опубл. 1922), ср. *Что в мае, когда поездов расписание/ Камышинской веткой читаешь в купе,/ Оно грандиозней Святого Писанья и т. д., вплоть до метафорического описания езды в поезде. Ср. обсуждаемую «Запись 3-ью»: «Скрижаль... Вот сейчас, со стены у меня в комнате, сурово и нежно в глаза мне глядят ее пурпурные на золотом поле цифры. Невольно вспоминается то, что у древних называлось „иконой“... Ах, зачем я не поэт, чтобы достойно воспеть тебя, о, Скрижаль, о, сердце и пульс Единого Государства. Все мы... в школе читали этот величайший из дошедших до нас памятников древней литературы — „Рас-*

шийся в уравнение неразложимый иррациональный член» («Запись 2-ая»). В процессе увлечения ею Д-503 — на эмоциональном уровне — перенесся в прошлое: «я теперь живу не в нашем разумном мире, а в древнем, бредовом, в мире корней из минус-единицы» («Запись 14-ая»). В этом высказывании *корни*, как и концепт *минус-единицы*, скорее всего, дань Хлебникову, который, например, в «Ладомире» (1920, 1921, опубл. 1920, 1923) играет с *корнем*, концептом «минуса» (латинизмом, в «переводе» на славянский корнеслов давшим *нет*) и концептом «единицы» (который заключен в местоимении *себя*):

Дорогу путника любя,/ Он взял ряд чисел, точно палку,/ И, корень взяв из нет себя,/ Заметил зорко в нем русалку./ Того, что ни, чего нема,/ Он находил двуличный корень,/ Чтoб увидеть в стране ума/ Русалку у кокорин.

О сюжете «Мы» имеется немало наблюдений. Приведу только одну работу, в которой суммированы сюжетные положения и сюжетные ходы, благодаря Замятину ставшие инвариантами антиутопии:

«Основоположником современной антиутопии был Замятин... Вот некоторые из его находок: волосатые руки Героя (человека под номером Д-503), роднящие его с дикими людьми; диагноз его болезни — „неизлечимая

писание железных дорог”. Но поставьте даже его рядом со **Скрижалью** — и вы увидите рядом графит и алмаз: в обоих одно и то же С, углерод, — но как вечен, прозрачен, как сияет алмаз. У кого не захватывает духа, когда вы с **грохотом мчитесь** по страницам „Расписания” и т. д. (Ранее Омри Ронен, усомнившись в том, что Замятин мог быть знаком с пастернаковским стихотворением, по той причине, что последнее было опубликовано только в 1922 году, сделал блестящую находку. Он указал на общий источник романа «Мы» и стихотворения «Сестра моя — жизнь...» — роман Честертона «Человек, который был четвергом», в котором нашлось место и для поездки по железной дороге, и для расписания Брэдшоу, и для поэта, и для поэтизации всего того, что относится к четкости движения, преобразующей хаос [Ronen 1993].)

В целом же, интертекстуальными отсылками к Кузмину, Пастернаку и Ахматовой описывается то культурное прошлое, которое отрицается техницированным Единым Государством и в которое зовет вернуться I-330.

душа"; любовь к свободолюбивой и обольстительной женщине, воскрешающей Старые Обычаи (туалеты, курение) и дружащей со Старухой — привратницей Старого Дома; свободный, но регламентированный секс по талонам, исключая ревность, которая, однако, вторгается в жизнь Героя вместе с Любовью; Старый (... Древний) Дом, подземным ходом соединенный с миром дикой Природы за Стеной; прозрачные жилища; машина будущего — „Интеграл“; записки Героя, напоминающий „древний причудливый роман“; единая Государственная Газета, Музыкальный Завод и Гос. Институт Литераторов, поэтизирующих приговоры и истины типа „дважды два — четыре“; Бюро Хранителей во главе с Благодетелем (термин Замятина); „последняя“ (протоутопическая) Революция в далеком прошлом и неудачное (антиутопическое) восстание по ходу сюжета; встреча Героя с высящимся над ним Благодетелем, добровольное предательство им Героини и Согласие на Операцию» [Жолковский 1994: 174—175].

Если эти инварианты разложить на составляющие, то мы в конце концов доберемся до хлебниковизмов. К ним относятся Единое Государство, поэтизация 2x2, последняя война (революция), именование героев одной буквой и многое другое. При их анализе встает вопрос о том, как они взаимодействуют с другими интертекстуальными слоями (Белого, Богданова, Гастева, Маяковского, конструктивизма, большевистских идеологов...); за недостатком места он рассматриваться не будет.

Заглавным концептом «мы» Замятин обязан таким хлебниковским произведениям, как поэтическое «Воззвание Председателей земного шара», где *мы* равняется правительству государства Земного Шара, победившему войну:

Только мы, свернув ваши три года войны/ В один завихоток грозной трубы,/ Поем и кричим, поем и кричим,/ Пьяные прелестью той истины,/ Что Правительство земного шара/ Уже существует./ Оно — Мы.

В романе Замятина *мы* носит не элитарный, но эгалитарный характер, обозначая всех пронумерованных граждан Единого Государства как неразложимую на индивидуальности целостность.

Единое Государство, обнимающее собой весь Земной шар, — это аналог хлебниковских «сверхгосударства» (например, того, что Ка Хлебникова и великие правители древности учреждают в «Ка», 1915; опубл. 1916) и «Земного Шара», управляемого 317 Председателями. В свою очередь, институция Председателей преломленным образом отразилась в Бюро Хранителей. То, что Единым Государством верховодит Благодетель с ленинскими чертами, к Хлебникову уже не имеет отношения.

В «Мы» Единое Государство живет согласно примитивному математическому закону. В нем расчислено абсолютно все, от урбанистического пейзажа (с проспектами, называемыми «осями», и главной «площадью Куба») до образа жизни и этики граждан. Геометризованный урбанизм — дань Хлебникову, свои градостроительные воззрения описавшего и в стихах типа «Город будущего» (1920; опубл. 1920), и в прозе типа эссе «Мы и дома. Мы и улицетворцы. Кричаль» (1915; опубл. 1930). Вот, для сравнения, утопические пассажи «Ладомира»:

*Пусть Лобачевского кривые / Украсят города;
Сметя с лица земли торговлю / И замки торго бросив
ниц, / Из звездных глыб построишь кровлю — / **Стеклян-
ный колокол столиц.** / Решеткою **зеркальных окон** / Ты,
синих зарев неясить, / И ты прядешь из шелка кокон, / По-
леты — гусеницы нить и т. д.*

Сами граждане внешне обезличены, называются «нумерами» (Благодетель — «Нумером из Нумеров»), а вместо полных имен обозначаются одной буквой (рефлекс хлебниковского «звездного» языка, о чем речь заходила выше) плюс номер. Образ мыслей у них тоже единый, ибо они преследуют общую цель: поддержание своего материального благополучия.

Во внешне бескастовое Единое Государство какая-то кастовость все же прокралась. Наиболее престижные профессии после Благодетеля и Хранителей — инженер и математик, т. е. изобретатели (опять Хлебников!), ответственные за дальнейшую технизацию устоев и без того предельно технизированной цивилизации.

Тех, кто перестает быть механическим исполнителем воли Единого Государства, ждут репрессивные меры — высшая казнь, электрошок или, наконец, медицинская операция по удалению фантазии (она же душа). Так Замятин доводит до логического финала хлебниковскую мечту об унификации мира в согласии с единым математическим принципом.

На повестке дня у Единого Государства — выполнение амбициозного инженерного проекта с далеко идущими репрессивно-завоевательными целями. Оно строит «Интеграл», нечто вроде космического корабля, чтобы с его помощью «проинтегрировать бесконечное **уравнение Вселенной**» и тем самым «благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах», поскольку, как пишется в Единой Государственной Газете, «[e]сли они не поймут, что мы несем им **математически-безошибочное** счастье, наш долг — заставить их быть счастливыми» («Запись 1-ая»). До Замятина мотив навязывания себя не только человечеству, но и космосу ввел, но скромнее и с иными, житнетворческими, установками, Хлебников. Так, в «Трубе марсиан» его приказом «славные участники будетлянских изданий перевод[ились] из разряда людей в разряд марсиан». В эссе «Время — мера мира» (1914—1915, опубл. 1916) аналогичная задача, «распространить» придуманную им формулу времени «на другие земли солнечного мира», ставилась перед человечеством.

Единое Государство не избавилось от изящной словесности, но подчинило ее себе, основательно перепрофилировав. Все события, от приговоров до постройки «Интеграла», и все важнейшие математические понятия, включая таблицу умножения, поручено облагородить поэтам. Они сочиняют — но не по вдохновению, а по заказу и в отведенные для этого часы, — подходя к вообще-то капризному, «непредвычислимо-

му» делу со все тех же технизированных позиций. Вот каких результатов, по мнению Д-503 — блестящих, — добиваются R-13 и — шире — Институт Государственных Поэтов и Писателей:

«[Я] наслаждался сонетом... „Счастье“ ...:

Вечно влюбленные **дважды два**,
Вечно слитые в страстном **четыре**,
Самые жаркие любовники в мире —
Неотрывающиеся **дважды два**...

И дальше все об этом: о мудром, вечном счастье **таблицы умножения**.

... **Таблица умножения** и до R-13 существовала века, но только R-13 сумел в девственной чаше **цифр** найти новое Эльдорадо»;

«Наши знаменитые „**Математические Нонны**“: без них — разве могли бы мы в школе так искренне и нежно полюбить **четыре правила арифметики**?» («Запись 12-ая»).

В приведенных стихах и заглавиях стихов спародирована нумерологическая поэтика Хлебникова, как она представлена, например, в «Числах» (цитату см. в § 4.2).

Разумная, размеренная, обеспеченная всем необходимым жизнь, без эмоций, фантазий и боли, воспринимается нумерами как счастье, за которое человечество долго боролось и которое приобрело лишь с установлением Единого Государства. Они с ужасом вспоминают о «последней» двухсотлетней войне, после которой выжило лишь 0,2 % населения земли, иронизируют по поводу ценностей Старого мира, существовавшего до последней войны, и мечтают о светлом и еще более технократическом будущем, на благо которого отдают все свои силы.

Последняя война — еще один кивок в сторону Хлебникова, который, как уже отмечалось, вычислял ритм событий, намереваясь тем самым поймать *войну в мышеловку*, и, в надежде

на счастливый исход вычислений, предлагал считать Первую мировую войну последней.

Предельно математизированному, урбанистскому Единому Государству противостоят Мефи. Они давно поселились за Зеленой Стеной, вернувшись к почти что первобытному образу жизни. С изменившимся образом жизни они встали на путь обратной эволюции, от человека к обезьяне, в частности, приобрели богатый волосяной покров. Между этими двумя сообществами медируют S-4711 и I-330. Это I-330 приводит Д-503 за Зеленую Стену на революционную сходку Мефи, переправляет к Мефи О-90, носящую ребенка от Д-503, голодает против Благодетеля в День Единогласия и организует Д-503 на участие в похищении «Интеграла» для Мефи, дабы те смогли покинуть землю.

И I-330, и Мефи, и Единое Государство спроектированы Замятиным с учетом отдельных элементов ранней поэмы Хлебникова «И и Э. Повесть *каменного века*» (1911—1912; опубл. 1913). Первое сходство, ономастика, в замятиноведении уже отмечалось. Говоря о нем подробнее, приведу послесловие Хлебникова к этой поэме: «Первобытные племена имеют склонность давать имена, состоящие из одной гласной». Сходным с «И и Э» образом, гласными Замятин именует героинь — О, I, кстати, близких к природе и с неподавленными эмоциональными реакциями. Имена героев-мужчин равны одной согласной, возможно, как кивок в сторону хлебниковской «звездной» азбуки в ее каноническом изводе.

I-330 со своей хлебниковской тезкой, И, разделяет ее укорененность в первобытном мире. Недаром путь к нормальному существованию нумеров Единого Государства она видит в движении цивилизации вспять, аналогичном обратной эволюции, в результате которой появилась новая, промежуточная между человеком и обезьяной порода, Мефи:

«Голые — они ушли в леса. Они учились там у деревьев, зверей, птиц, цветов, солнца. Они обросли шерстью, но зато под шерстью сберегли горячую, красную кровь. С вами хуже: вы обросли **цифрами**, по вас **циф-**

ры ползают, как вши. Надо с вас содрать все и выгнать голыми в леса» («Запись 28-ая»).

Соответственно, ставку на Д-503 героиня делает потому, что у него есть общая черта с Мефи — ненавистные ему руки — «обезьяньи», «в волосах, лохматые — какой-то нелепый атавизм» («Запись 2-ая»), а на R-13 — в силу его тоже атавистического сходства с обезьяной (ср. «отвратительный и ловкий, как горилла», «Запись 25-ая»).

В «Мы» имеется ряд меток хлебниковского влияния, как вербальных, так и числовых. К первым относятся *хлеб*, родственной фамилии *Хлебников*, и пароним *хлеба* — глагол *захлебываться*, применяемый в том числе для взволнованно-эмоциональной манеры говорения хлебниковского «клона», поэта R-13; ко вторым же — 48. Хлебников вычитал 48 из 365 для получения 317-ти, своей основной «меры мира», ср. эссе «Время — мера мира»:

«[О]бщему закону сравнимости по 365 ± 48 подчиняются не только струны всего человечества (войны), но и струны каждой данной души».

В романе «Мы» 48 фигурирует в антихлебниковских контекстах — перелома констант, по которым существует Единое Государство. Так, хотя нумера должны заявлять в Бюро о непорядках в течение 48 часов, Д-503 не доносит на предосудительное поведение I-330 в установленные для этого двое суток; в 48-й раз Благодетель был избран — впервые в истории Единого Государства — не единогласно; наконец, восставшие Мефи двигались по городу обходным 48-м проспектом, потому что по главной трассе уже шагала шеренга лоботомированных нумеров.

4.

Дискредитируется хлебниковский дизайн по-большевистски светлого будущего несколькими способами сразу, причем

все они рассчитаны исключительно на изменение сознания аудитории. Читатель должен согласиться с автором в том, что тоталитарный строй — это страшное зло, низложение которого, если человечество допустит его распространение по всей земле, будет выше его сил. Потому-то самый устрашающий поворот романа — восстание, проигранное Мефи из-за того, что Единое Государство оперативно ввело принудительную всеобщую лоботомию. Лишенные фантазии (души) номера перестали руководствоваться собственными интересами, полностью подчинившись чужой воле, каковой является Благотель. Оставляя этот способ демонстрации ужасов тоталитарного строя в стороне как не связанный с Хлебниковым, я подробно остановлюсь на трех других. Один — рациональное опровержение мифа о конечности, включая миф о последней войне — апеллирует к разуму читателя. Другой — изображение взлетов и поражений главной четверки героев «Мы», особенно же двух хлебниковизированных, — заставляет читателя сопереживать героям. Кроме того, через их посредничество он получает возможность попробовать, а там и взвесить, все плюсы и минусы тоталитарного строя. Последний, самый действенный способ, — смех. С его помощью Замятин вырабатывает у читателя иммунитет к утопиям типа хлебниковской и, конечно, правильные реакции на тоталитарную обстановку, каковая в пореволюционный период из мечты стремительно становилась былью.

4.1. В романе «Мы» заключен известный парадокс: мозги интеллектуала от математики Д-503 промыты примитивной математической идеологией Единого Государства настолько основательно, что он принимает за чистую монету миф, как уже отмечалось — родом из хлебниковской нумерологии, — о «последней» войне и «окончателности» установленного строя. Полным откровением для него звучит опровержение этого мифа из уст I-330. Она настаивает на том, что как нет последнего числа, так нет и последней войны («Запись 30-ая»). Но как только Д-503 уверяется в торжестве бесконечности, лысый мужчина с логарифмическим циферблатом, случайно

встреченный им в общественной уборной, легко убеждает его в обратном. Оpozнав в нем своего теоретически более подкованного двойника, Д-503 приходит в восторг от его признания (причем признания такого рода, которые любил делать Хлебников-нумеролог), полагая, что еще немного, и тот откроет окончательную философскую формулу конечности («Запись 39-ая»).

Этой траектории интеллектуальных колебаний главного героя — профессионала-математика, — Замятин, сам профессиональный инженер, демонстрирует читателю, что простейшие математические операции, ставшие догмами Единого Государства, вводят в обман даже самых продвинутых в математике нумеров и что на самом деле время, пространство, ход цивилизации, человеческое сообщество устроены сложнее, не имеют в себе ничего конечного, подтверждением чему и служит восстание Мефи, следующее за якобы последней войной.

4.2. Еще один способ подрыва читательского доверия к Единому Государству — драматические развязки судеб главных героев как результат репрессивных мер, применяемых к ним или же нависающих над ними дамокловым мечом. Это, прежде всего, пытка и казнь революционерки I-330. Это также убийство диссидентствующего поэта R-13. Это невозможность для O-90 сохранить зачатый от Д-503 плод и испытать радости материнства, вынуждающая ее бежать за Зеленую Стену. Это, наконец, операция по уничтожению у Д-503 (да и всех поголовно нумеров) органа, отвечающего за фантазию, и прощение, получаемое им от Благодетеля. Поскольку хлебниковскими чертами из этой четверки наделены математик и поэт, то я подробно остановлюсь на их жизненных перипетиях.

Д-503 из преданного Единому Государству Строителя «Интеграла» становится почти неподконтрольной ему индивидуальностью, а затем переподчиняется Государству. Борьба одной ипостаси Д-503, рациональной, или «нумерной», с другой, иррациональной, способной сделать его полноценным человеком с яркими эмоциональными реакциями и прекрасными своей бессмысленностью поступками, выполнено через

столкновение двух любимых концептов Хлебникова, в его нумерологии вообще-то не противопоставленных: эвклидовой математики (плюс «звездной» азбуки) и «мнимого» числа. На протяжении всего действия «Мы» Д-503 воспринимает мир наиболее удобным и привычным, ибо одобренным Единым Государством, рациональным способом, переводя все в цифры и геометрические фигуры. Математизируется в его сознании даже такая нефизическая область, как этика. Это — влияние постулатов Единого Государства, описывающих этику через «вычитание, сложение, деление, умножение» («Запись 3-ья») и тем самым подхватывающих общий принцип хлебниковского эссе «О простых именах языка» (1915, опубл. 1916). Там четверем буквам (звукам), открывающим слова, приписаны следующие смыслы: вычитание (для *B*), сложение (*K*), деление (*M*) и умножение (*C*).

В качестве винтика машины Единого Государства Д-503 вместе с ней остро реагирует на нарушения, которые в основном оказываются отклонениями от строго математического (рас)порядка. Вот, к примеру, его переживания, вызванные видом жилища R-13:

«Как будто — все точно такое, что и у меня... Но чуть только вошел — двинул одно кресло, другое, — **плоскост**и сместились, все... стало **неэвклидным**. R — все тот же, все тот же. По... математике — он всегда шел в хвосте» («Запись 8-ая»).

Математические аналогии не отпускают от себя Д-503 и во время свиданий. Любящая его О-90 порой плачет оттого, что в иерархии ценностей Д-503 математика стоит много выше, чем она:

«[Г]оворил ... о красоте квадрата, куба, прямой. Она так очаровательно-розово слушала — и вдруг из синих глаз слеза...
— Милый Д, если бы только вы, если бы...» («Запись 4-ая»).

Показательно, что иногда Д-503 и О-90 спускали шторы, но не для интимна, а... для совместного решения «задач из старинного учебника Киселева» («Запись 7-ая»). Роман с I-330 тоже не способен перестроить героя-математика на сугубо лирическую волну. Так, о месте свиданий с ней, Древнем Доме, он рассуждает, привлекая для этого систему координат («Запись 17-ая»), а сама она неизменно видится ему комбинацией неприятных геометрических фигур, треугольников, или же число-буквой Х.

В математическом мировосприятии Д-503 участвуют не только числа и геометрические фигуры как таковые, но и подобие хлебниковской «звездной» азбуки, которая на своей ранней стадии экспериментировала в том числе с начальными гласными слова, а в канонической — исключительно с начальными согласными. И тем, и другим Хлебников приписывал геометризованный, а иногда геометризованный и общечеловеческий смыслы. Например, в «Слове о Эль» (1920; опубли. 1923) начальное л/ л' объяснялось через 'движение', соединяющее 'точку', 'прямую' и 'плоскость', с одной стороны, и через 'любовь', с другой. На фоне такого рода хлебниковских формулировок становится понятным, почему Д-503 объясняет странное происшествие, приключившееся с ним в Древнем Доме, отделяя от слова *любовь* его начальное Л, а от *смерти* — начальное С:

«[Ч]тобы установить истинное значение функции — надо взять ее предел. И ясно, что вчерашнее нелепое „растворение во вселенной“ [герою кажется, что он умер в Старом доме. — Л. П.], взятое в пределе, есть смерть. Потому что смерть — именно полнейшее растворение меня во Вселенной. Отсюда если через „Л“ обозначим **любовь**, а через „С“ **смерть**, то $L = f(C)$, то есть **любовь и смерть...**» («Запись 24-ая», [Замятин 2011: 229]).

А вот другой пример: в восприятии главного героя, Д-503, О-90 имеет что-то от графического написания этой буквы и одновременно округленных губ при произнесении этого звука:

«О — вся из окружностей» («Запись 2-ая»).

Оперирование окружностью при описании буквы/звука — это осязаемое наследие «звездного» языка¹⁶.

Роман с I-330 все-таки приводит Д-503 к осознанию того, что у него есть душа. Доктор, из числа диссидентов, разясняя, как понимать эту давно отмершую категорию, прибегает к понятным для его пациента математическим аналогиям:

«[Н]а **поверхности** ... видите... мелькнула тень аэро. Только на **поверхности**, только секундно. Но представьте — от какого-то огня эта непроницаемая поверхность вдруг размягчилась, и уж ничто не скользит по ней — все проникает внутрь... **Плоскость** стала **объемом**, ... и это внутри зеркала — внутри вас — солнце, и вихрь от винта аэро... И понимаете: холодное зеркало отражает, отбрасывает, а это — впитывает, и от всего след — навеки» («Запись 16-ая»).

Для себя же Д-503 формулирует наличие у него души в терминах хлебниковского «мнимого» числа $\sqrt{-1}$, которое всегда доводило его до паники:

«Это — так давно..., когда **со мной случился $\sqrt{-1}$** Однажды Пляпа [школьный учитель. — Л. П.]... рассказал об иррациональных числах — ... я плакал... и вопил: „Не хочу $\sqrt{-1}$! **Выньте меня из $\sqrt{-1}$!**“ Этот иррациональный корень **врос** в меня как что-то... инородное, ... его нельзя было ... обезвредить, потому что он был вне ratio. И вот теперь снова $\sqrt{-1}$ » («Запись 8-ая»);

«Мне чудилось... бесконечно огромное, и одновременно бесконечно малое, **скорпионообразное, со спрятанным и все время чувствуемым минусом-жалом: $\sqrt{-1}$** ... А может быть, это не что иное, как

¹⁶ Ср. также портретирование «мужского номера» S-4711 через графическое начертание обозначающей его буквы: «дважды изогнутый, вроде буквы S», и портретирование I-330 через сходство ее фигуры с «хлыстом», который, в свою очередь, перекликается с графическим начертанием ее имени.

моя “душа”, подобно легендарному скорпиону древних добровольно жалящих себя» («Запись 18-ая»).

В приведенных цитатах вынуть себя из $\sqrt{-1}$, взглядеться в него, осознать его зооморфность наследуют типично хлебниковским операциям над иррациональными и просто числами. В игровой форме они проникли, например, в его «Числа» (1911, 1912, 1914; опубл. 1913, 1914):

Я всматриваюсь в вас, о, числа,/ И вы мне видитесь одетыми в звери, в их шкурах,/ Рукой опирающимися на вырванные дубы./ Вы даруете единство между змееобразным движением/ Хребта вселенной и пляской коромысла /<...>/ Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы/ Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

А в не игровой, но, напротив, квазинаучной форме, они фигурируют, например, в брошюре «Время — мера мира». Вне зависимости от того, был ли знаком автор «Мы» с хлебниковской «Скуфьей скифа» (1916; опубл. 1929), только в ее контексте формула с корнем из минус единицы раскрывает свой специфический смысл. ‘Единица’ — это ‘человек’, но взятый как отдельная личность, индивидуальность, с которым к тому же происходит что-то иррациональное, т.е. свойственное человеку по его природе. Ср. у Хлебникова:

«Я знал, что $\sqrt{-1}$ нисколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, и -2, -3, и $\sqrt{-1}$, и $\sqrt{-2}$, и $\sqrt{-3}$. Где есть один человек и другой естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и $\sqrt{-}$ человека, и $\sqrt{-2}$ людей и $\sqrt{-3}$ людей ... Я..., окруженный призраками, был $1=\sqrt{-}$ человека. Пора научить людей **извлекать** вторичные **корни из себя** и из отрицательных людей. Пусть несколько искр больших искусств упадет в умы современников. А очаровательные искусства дробей, постигаемые внутренним опытом!»

Человеческое математик Д-503 научился в себе подавлять по крайней мере со школы, и вот почему обнаружение в себе $\sqrt{-1}$ теперь, во взрослой жизни, так пугает его.

По ходу романа Д-503 исполняет волю то Единого Государства, то I-330, то снова Единого Государства. Единому Государству соответствует коллективистское местоимение *мы*, героине же, как было показано Зиной Гимпелевич, индивидуалистское *я*. Дело в том, что именем *I*, написанным латиницей, не кириллицей, англофил Замятин кодирует, через англ. *I*, 'я', идею личности [Gimpelevich 1997: 21]. В результате казнь I-330 обретает символический смысл — так МЫ вычищают из своего коллектива Я. Символическим смыслом заряжено, конечно же, и финальное признание Д-503: «И я надеюсь — **мы** победим. Больше: я уверен — **мы** победим. Потому что разум должен победить!» («Запись 40-я»). Это — пример того, как отдельное Я вливается в коллективное МЫ.

В еще большей степени идею тоталитарного режима Замятин дискредитирует, принося ему в жертву поэта-нумеролога R-13, а до него — еще одного, безымянного, поэта. Участие R-13 в официальной церемонии по случаю казни того другого поэта, в должности сочинителя и декламатора стихотворной версии приговора, становится поворотным моментом в его судьбе. Он осознает, что более не может служить Единому Государству. Символический смысл жизненной траектории R-13 состоит в том, что Единое Государство не способно обуздать его артистическое эго, тянущееся к свободе, а потому прибегает к его физическому уничтожению. Учитывая, что R-13 наделен пушкинскими чертами, его убийство прочитывается еще и как претворение знаменитого футуристского лозунга «бросить Пушкина... с Парохода современности», провозглашенного в манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912; опубл. 1912). В замятиноведении высказывалось мнение о том, что обозначение поэта через латинское *R* понадобилось писателю для того, чтобы закодировать в ней перевернутое 'я' [Струве 2000: 369]. Тогда насильственная смерть R-13 является еще одной, после казни I-330, вариацией на тему вы-

чистки коллективным МЫ из своих рядов отщепенцев, носящих гордое имя 'Я'.

R-13 показан глазами Д-503, т. е. с определенной погрешностью. Первое подозрение в том, что R-13 не полностью ассимилирован с Единым Государством, закрадывается в голову Д-503 из-за «неэвклидного» устройства жилища его друга. Себе он объясняет отсутствие порядка тем, что его друг в школе отставал по математике. По ходу сюжета R-13 начинает тяготиться прославлением приговоров. Так Замятин — провидчески? со знанием дела? — дублирует двойственное отношение позднего Хлебникова к репрессиям: воспевать — да (как в «Председателе чеки», 1921, опубл. 1988, с сочувственно изображенными следователем Реввоен трибунала 14-й армии А. Н. Андриевским и членом харьковской ЧК С. А. Саенко), исполнять — нет (ср. знаменитый «Отказ», 1922, опубл. 1922: *Мне гораздо приятнее! Смотреть на звезды, / Чем подписывать / Смертный приговор. <...> / Вот почему я никогда, / Нет, никогда, не буду Правителем!*). Но вернемся к R-13. Видимо, под влиянием I-330 он примыкает к заговорщикам, что Д-503 открывається во время переизбрания Благодетеля, когда R-13 вместе с другими смельчаками голосует «против». Некоторое время спустя, во время восстания, Д-503 натывается на его труп — с «брызжащими смехом губами» («Запись 39-ая»). Возможно, эта сцена скопировала тот трагический конец, который Хлебников придумал для себя в «Иранской песне» (1921, опубл. 1921): *И когда знамена оптом / Пронесет толпа, ликуя, / Я проснулся, в землю втоптан, / Пыльным черепом тоскуя.*

К двум пострадавшим от режима героям можно прибавить третьего клона Хлебникова — неизвестного лысого с логарифмическим циферблатом и записной книжкой. Его, как и Д-503, во время облавы на не удаливших фантазию, насильственно отправляют из общественной уборной напрямиком на операцию. С Хлебниковым его роднит его интеллектуальное предприятие — выведение формулы конечности для тех явлений, которые не имеют конца

Итак, прописав в тоталитарном обществе будущего сразу трех хлебниковых, Замятин показал читателю, что доживи Бу-

детлянин до осуществления своих идеалов, он так или иначе пострадал бы от их реализации. В лучшем случае он поплатился бы фантазией (для поэта вообще-то не лишней, тем более, что по Замятину фантазия и душа — одно), а в худшем — жизнью.

4.3. Смех, улыбка, шутки, ирония — наиважнейший пласт романа «Мы». Начать с того, что нумерам такое поведение не свойственно, и всегда серьезный Д-503 говорит о себе как о непримиримом враге смеха:

«[Я] не способен на шутки — во всякую шутку неясной функцией входит ложь» («Запись 3-ья»); «[Ш]уток я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка шутить» («Запись 8-ая»).

Единственное, что правоверным нумерам кажется достойным смеха, — это привычки и образ жизни прошлого, в Едином Государстве отвергнутые и преодоленные (см. «Запись 4-ую»). Таким образом, не удивительно, что смех в романе оказывается самой действенной мерой противостояния тоталитарному миру. У положительных героев он выражает одновременно недоверие к тоталитарным устоям, неподчинение им и, конечно, чувство собственного превосходства над окружающими. Так, улыбка, смех и ирония I-330, самой радикально настроенной из всех положительных героев, действует на Д-503 как хлыст, постепенно вызывая у него мазохистские желания — подчинить ей всего себя:

«Я просто вот видел глазами этот смех: звонкую, крутую, гибко-упругую, как хлыст, кривую этого смеха» («Запись 6-ая»).

На протяжении романа активно смеется и шутит также R-13. Даже в момент расставания с жизнью на лице его отпечатывается смех. Д-503 в свой дневник заносит то мощное воздей-

ствии, который смех R-13 мог бы произвести на него, рискни он пробыть около трупа подольше:

«Я узнал толстые, негрские и как будто даже сейчас еще брызжущие смехом губы. Крепко зажмуривши глаза, он смеялся мне в лицо. Секунда — я перешагнул через него и побежал — потому что... я чувствовал — сломаюсь, прогнусь, как перегруженный рельс...» («Запись 39-ая»).

Опыт сопротивления верховной власти и господствующим устоям, которым к концу романа обогащается и Д-503, благодаря и возлюбленной, и другу, включает обучение смеху. Согласно «Записи 35-ой», Д-503 приходит в ярость, граничащую с призывом к убийству, от того, что операция по «утогу» Интеграла и передаче его в руки Мефи была сорвана по инициативе Ю-10, которая выкрала дневник Д-503 и принесла его в карательные органы. Так вот, когда Ю-10, принявшая ярость Д-503 за сексуальный порыв, принялась раздеваться, он засмеялся. Протоколируя этот опыт в дневнике, он обобщает его до максимы, претендующей на афористичность: «[С]мехом можно убить все — даже убийство».

Заключение тоталитарного мира смехом, производимое тремя героями, тоже имеет отношение к Хлебникову, хотя и не совсем прямое. Типологически с портретом мертвого R-13 с улыбкой на лице перекликается хлебниковский прозаический пассаж «Я умер и засмеялся...» (1922, опубли. 1988). В целом же отношение Хлебникова к смеху было амбивалентным, а потому в параллель к «Мы», опять-таки типологическую, стоит поставить писавшийся в те же годы «Зангези» с развернутой нумерологической программой. Эта пьеса Хлебникова заканчивается изгнанием из мира двух антагонистов человечества, Смеха и Горя, ср. ремарку «Смех падает мертвый, зажимая рукоятью красную пену на боку» (Плоскость 20). Угадав, что Хлебников не допустил бы в свою утопию смех, или же прочитав выпущенный сразу после смерти Хлебникова «Зангези», Замятин, возможно, осмеял его тем, что одного из его

клонов, лысого с логарифмическим циферблатом, поставил в карнавальную ситуацию — мудреца, одновременно проповедующего и справляющего нужду.

5.

Предложенная реконструкция хлебниковских смыслов и структур романа «Мы» позволяет переосмыслить его проблемную — во всяком случае, с точки зрения критика Юрия Айхенвальда — математическую фактуру:

«Понятно, что в этом мире, где даже поэзия — плановая, царит непроходимая скука. Но горе в том, что она прокралась оттуда в самый роман Замятина. Он не сумел к скуке приблизиться безнаказанно: он от нее заразился. И все цифры, числа, формулы — все это, говорящее о скуке, скоро читателю прискучивает, несмотря на меткость сатиры, несмотря на ум и талант автора, несмотря на яркость некоторых деталей. Писатель побежден своим сюжетом — горе победителю! Тем хуже для сюжета!...» [Замятин 2011 [1927]: 346].

Скрытой в «цифрах, числах, формулах» полемикой с Хлебниковым вносится интеллектуальное оживление. Читателю романа «Мы» предлагается следить за тем, как «известное», а именно хлебниковская нумерология, взаимодействуя с неизвестным — замятинскими героями и их сюжетными перипетиями, — выдает свою несостоятельность.

Библиография

- Геллер Л. Слово мера мира. М., 1994.
- Доронченков И. Об источниках романа Е. Замятина «Мы» // Русская литература, 1989, № 4. С. 188—201.
- Жолковский А. Замятин, Оруэлл и Хворобьев: о снах нового типа// Он же. Блуждающие сны. М., 1994. С. 166—190.

Замятин Е. «Мы». Текст и материалы к творческой истории романа. Изд. подг. М. Ю. Любимовой, Дж. Куртис. СПб., 2011.

Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем...: Роман «Мы» Е. И. Замятина. СПб., 1994.

Панова Л. Всматриваясь в числа: Хлебников и нумерология Серебряного века // Велимир Хлебников и «Доски судьбы»: Текст и контексты. М., 2008. С. 393—455.

Струве Н. Символика чисел в романе «Мы» // Он же. Православие и культура. М., 2000. С. 367—372.

Тынянов Ю. Литературное сегодня // Он же. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 150—166.

Шкловский В. Потолок Евгения Замятина // Он же. Гамбургский счет. М., 1990. С. 240—259.

Cooke L. Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's *We* // Zamyatin's *We*: A Collection of Critical Essay. Ann Arbor. Pp. 149—167.

Gimpelevich Z. "We" and "I" in Zamyatin's *We* and Rand's *Anthem* // Germano-Slavica. Vol. X (1), 1997. Pp. 13—23.

Morson S. The Boundaries of Genre. Dostoyevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin, 1981.

Ronen Omry. Pasternak, Zamiatin and Bradshaw // Elementa 1993. Vol. 1. Pp. 215—218.

Russell R. Zamiatin's *We*. London, 2000.